

А. И. Рупасов

О «заговорившей дремавшей совести».

Рецензия на книгу «Жизненный путь

Христиана Раковского. Европеизм

и большевизм: неоконченная дуэль»¹

Христиан Георгиевич Раковский принадлежит к числу тех довольно немногочисленных деятелей коммунистического движения, интерес к которому подпитывается не столько фактом его трагической гибели как борца со сталинским режимом, сколько многочисленными, порождающими различные истолкования его поступками, а также довольно скудной информацией об отдельных периодах его жизни, таинственности к которым он в свое время добавил в автобиографии, написанной для 41-го тома энциклопедического словаря братьев Гранат («Деятели СССР и Октябрьской революции (Автобиографии и биографии)»). Тогда редакция словаря пояснила свой замысел следующими словами: «История деятелей облакает плотью и кровью выводы массовых наблюдений и отражает изгибы жизни, не поддающиеся статистическому учету. Но для этого такая история деятеля должна быть историей только субъективной, должна быть написана самим деятелем; лишь тогда она приобретает объективно высокую ценность». Признание даже за написанной революционером автобиографией «объективно высокой ценности» волеяневолей становится своего рода «планкой объективности» для оценки плодов «конкретно-исторического исследования», авторами которого стали Г. И. Чернявский, М. Г. Станчев и М. В. Тортика (Лобанова).

Изобилующий оценками качеств Х. Раковского текст «Жизненного пути» не ставит читателя в тупик, но поражает метаниями авторов, по собственной воле загнавших себя в своеобразную ловушку. Один из идейных лидеров оппозиции, жертва тиранического режима И. В. Сталина должен был не только вызывать искреннюю симпатию. Он обязан был быть мыслителем, не довольствующимся вдумчивым анализом конкретной социально-политической и внутривластной ситуации, но способным на выработку стройной политической программы. Однако, как выясняется из текста монографии, именно анализ, не говоря уже о политическом творчестве, сильной стороной Раковского, этого «свое-

Рупасов

Александр Иванович,

доктор

исторических наук,

Санкт-Петербургский

Институт истории

РАН

(Санкт-Петербург,

Россия)

образного социалиста» (С. 59), никогда не был. В начале XX столетия, по признанию авторов, «его работы не сосредоточивались на строго отобранной тематике, не отличались глубиной проникновения в ту проблематику, которой он занимался в каждый данный момент». Судя по всему, авторы считали, что данный недостаток компенсировался тем, что Раковский «стремился использовать максимум источников на разных языках, не допускал произвольных оценок, выступал в качестве аналитика, а не легковесного журналиста» (С. 36). В дальнейшем, насколько можно судить по тексту, процесс совершенствования аналитических способностей у Раковского полностью остановился: после революционных потрясений 1917 г. в России он лишь «усугубил свои познания в демагогии и популизме, которые ему, как и всем более или менее значительным политическим деятелям были свойственны и ранее» (С. 121), более того, лукавил «далеко не вполне чистоплотно» (С. 262). Уже в 1920–1930-е гг. «в спекулятивности и демагогии, в том числе в целях самозащиты, Раковский за годы советской власти преуспел» (С. 304). Быть может, основа для этого была заложена задолго до начала строительства социализма в СССР? Ведь еще в начале XX столетия Раковский оказывал финансовую поддержку лидеру левых социалистов Д. Благоеву, большевику В. И. Ленину, меньшевикам Г. В. Плеханову, В. И. Засулич, Ф. И. Дану, Ю. О. Мартову, независимому социал-демократу Л. Д. Троцкому. И, по мнению авторов, «в таком перечне лиц, получавших помощь, сказались не только щедрость, но и широта политических воззрений Раковского» (С. 38).

Можно допустить, что в начале 1920-х гг., когда Раковский возглавлял Совет Народных Комиссаров Украины, у него «где-то в тайниках души» «сохранялись остатки тех социал-демократических умеренных идей, тех западноевропейских «пережитков», которые, казалось бы, угасти в мясорубке гражданской войны, кровавого террора и однопартийного властного произвола» (С. 134), но приведения каких-либо косвенных данных о сохранении таковых «пережитков» обнаружить в тексте книги не удастся. Напротив, чаще речь в ней идет о «догматизированном втискивании» Раковским «реалий в схему взглядов Ленина и других большевиков» (С. 158). «Мышлению Раковского вполне был присущ партийно-государственный дуализм, оборачивающийся подчас прямым лицемерием» (С. 315). Слабость аналитических способностей Раковского сказывалась, как выясняется, не только при обращении к советским реалиям. Так, например, он «далеко не полностью учитывал прочные традиции рассудочности и расчета, реализма и конформизма, свойственные британским рабочим» (С. 314). Подводя итог, авторы назовут Раковского «опытным, сравнительно высоко теоретически и практически подготовленным деятелем» (С. 428), который «при всей своей опытности, вдумчивости, аналитических способностях» «оказался не в состоянии до конца понять степень вырождения государства и партии большевиков, включая ее низовые организации, утратившие творческие начала и целиком подчинившиеся теперь фанатичной дисциплине» (С. 413).

Словесная эквилибристика авторов, заметно одобренная разбросанными по тексту ярлыками, заставляет обратить внимание на написанное Георгием Чернявским «Предисловие», в котором он восторженно отозвался об одном из своих соавторов: Мария Тортика (Лобанова) «со свойственной ей склонностью к теоретическим выкладкам и абстрактным комбинациям, базирующимся, разумеется, на анализе фактического материала, внесла новый тон в наше конкретно-историческое исследование» (С. 7). Поиски «теоретических выкладок» в тексте книги — напрасны, но словесных комбинаций — не счесть. Касаясь переговоров Раковского в Киеве в 1918 г., авторы пишут о том, что он встречался с представителями украинской оппозиции, «стремясь внушить им коммунистическую

доктрину», но сразу же замечают: «К сожалению, достоверных и конкретных данных по этому поводу нам обнаружить не удалось» (С. 104). Повествуя о переговорах Раковского с делегацией украинской Рады летом 1918 г., авторы особо подчеркивают то обстоятельство, что в своей словесной перепалке с видным украинским юристом Шелухиным Раковский «демагогически апеллировал к тому, что с точки зрения международного права РСФСР является преемником Российской империи!», но «видимо осознал допущенный им промах, возможно, у него заговорила дремавшая совесть, не позволившая столь беззастенчиво кривить душой... Как бы забыв о только что сказанном, он заявил: “Мы не являемся преемниками ни ее тенденций, ни ее целей. Международно-правовая преемственность же сугубо формальна, советская власть не распространяется на Украину”» (С. 100–101).

«Рассматривая деятельность Раковского в качестве советского полпреда в столицах крупнейших европейских государств, мы, к сожалению, в силу отсутствия документов не в силах осветить его участие в “особой” деятельности — шпионаже и других прямых подрывных акциях, разложении белоэмиграции и насаждении в ее среде агентуры, финансировании компартий и т. п. Можно не сомневаться, что полпредства СССР в Лондоне и Париже в такого рода деятельности в той или иной степени участвовали», — утверждает авторский коллектив (С. 299). Ни прямых, ни косвенных доказательств участия Раковского в «особой деятельности» в распоряжении авторов не было, но желание обвинить его в таковой явно было настолько сильным, что от намек не удержались. «Интернационалист Раковский, став советским дипломатом, фактически превратился в проводника имперских амбиций тоталитарного государства, находившегося в процессе становления, но уже считавшего себя наследником Российской империи, *хотя сам он сохранял внутреннюю осторожность в отношении таковой позиции, которая пока не выходила наружу* (курсив наш. — А. Р.)» (С. 105). Остается загадкой, каким образом глава Совета Народных Комиссаров Украины Раковский, «вторгаясь в дела КП(б)У», тем самым грубо нарушал нормы международного общежития (С. 141). Доклад и заключительное слово Раковского на Пленуме ЦК РКП(б) (31 марта – 2 апреля 1924 г.), считают авторы, «явились, по существу дела, критикой лицемерного и недобросовестного характера большевистской внешней политики, хотя и выдержанной в эзоповском стиле (С. 215). Однако в приведенной довольно обширной цитате даже привкуса «эзоповского языка» не ощущается. Стремление поставить качества Раковского как дипломата выше качеств М. М. Литвинова приводит к тому, что являющийся по сути выволочкой ответ Литвинова на письмо Раковского из Лондона, оценивается ими как «довольно беспомощный» (С. 227). Поражает не критичное отношение авторов к воспоминаниям Г. Беседовского. Приведенная мемуаристом пространная беседа со Сталиным о Раковском, сам факт которой, не говоря уже о содержании, вызывает вполне уместные подозрения, оснований для недоверия у авторов не вызвала (С. 348).

Парадоксальным образом подчеркнутое стремление к теоретическим обобщениям сочетается у авторов с исключительной невнимательностью именно к тем моментам, которые таковых обобщений требуют. При рассмотрении дискуссии о создании СССР в 1922–1924 гг., в которую был вовлечен Раковский (ее внятного анализа в книге читатель не найдет), следовало, казалось, ожидать возвращения авторов к эпизодам той полемики, которая десятилетием ранее разразилась вокруг идей Балканского союза. В последней Раковский довольно ярко проявил себя, прежде всего как журналист. Авторы справедливо заметили, что он «пытался интегрировать в нем (Балканская конфедерация, Балканский союз) понятия федерации и конфедерации, не видя между ними сколько-

нибудь существенных различий» (С. 60), «Вновь и вновь он указывал на несущественность спора по поводу федерации или конфедерации, подчеркивая, что сами эти идеи весьма туманны» (С. 61). Позже, во время переговоров в Киеве с Радой в 1918 г., «Раковский, по-видимому, искренне верил в перспективную реальность» территориальной федерации для советской республики (1918) (С. 98). А уже на XII съезде РКП(б) он, по утверждению авторов, «находился теперь в авангарде тех деятелей, которые объявили войну великодержавному шовинизму, пришли к выводу, что шовинизм является серьезнейшей опасностью для большевистской власти... Раковский выступил не только как интернационалист, стремившийся защитить утопически понимаемую и всячески глобализируемую им революцию от шовинистического перерождения» (С. 169). Приводимый авторами набор вырванных из контекста цитат в лучшем случае следует рассматривать как нежелание выяснить, какое же содержание вкладывалось Раковским в такие понятия, как «гражданство», «национальность», «федерация», «конфедерация». Можно лишь предположить, что в основе этого нежелания было понимание того простого факта, что у героя их книги было весьма туманное представление о тех категориях, которыми он пытался манипулировать (впрочем, как и у его оппонентов). Более того, остается неясным, насколько вообще Раковский представлял себе этнический состав создававшегося государства. «С тревогой он говорил: "Здесь пахнет в общем космополитизмом. Вы начинаете ненавидеть понятие "национальность"... коль сохраняются национальности, факт их существования должен получить отражение в национальном гражданстве"» (С. 187–188). Правда, авторы намекают читателю, что позже (судя по контексту, во второй половине 1930-х гг.) «его федеративные идеи обогатились национальным содержанием» (С. 99), однако раскрытия этого умозаключения в их книге не найти.

Брошенное вскользь замечание, что у Раковского «стремление отстоять государственность Украины было в то же время стремлением к личностному самоутверждению» (С. 170), заслуживало бы большего внимания с учетом весьма непростого положения главы Совета Народных Комиссаров Украины в партийной и государственной элите этой республики; он не был для нее своим и понимал это. Едва ли устранение Раковского с поста главы украинского правительства сводимо исключительно к личной неприязни к нему Сталина. (Кстати, авторы, судя по всему, не вполне четко представляют себе даже границы УССР, поскольку по неизвестным причинам включили в них и Рязань.)

Логические построения авторов не отличаются изысканностью. Так, касаясь истории с получением Раковским в 1915 г. в Бухаресте денежных сумм от германского посольства для ведения антивоенной кампании, всплывшей в российской прессе после Февральской революции, они приходят к следующему выводу: «...с морально-этической точки зрения факт получения Раковским германских денег был немаловажным шагом на его пути к большевизму в ленинском обличье» (С. 79). При этом для читателя остается неизвестной реакция самого Раковского на обвинения В. Л. Бурцева в том, что он получал немецкие деньги, если таковым опровержением не считать участие Раковского в комиссии, которая занялась выяснением контактов его старого знакомого, швейцарского социал-демократа Р. Гримма, с «германскими официальными органами» (С. 81–82). По крайней мере, об опровержениях упоминаний нет. В привлечении Раковского в начале 1918 г. к работе в Народном комиссариате иностранных дел, имевшем простое объяснение — в распоряжении правительства Ленина не было людей, которых можно было использовать для решения возникших с Румынией конкретных проблем, — авторы без каких-либо колебаний увидели стремление большевистской верхушки использо-

вать «на дипломатическом поприще таких деятелей как Раковский», так как это позволяло создавать видимость эволюции в сторону более цивилизованного курса (С. 90), при этом забывая о том, как ими самими живописуется деятельность Раковского в Одессе.

Как известно, в своей жизни Раковский уделял особое внимание довольно ограниченному ряду проблем. Среди них особое место занимал так называемый «бессарабский вопрос», которому в книге отведены страницы 302–303. Однако ответа на вопрос, в чем же заключалась позиция Раковского, читатель не найдет. Судя по всему, авторы проигнорировали довольно многочисленные публикации документов и материалов по этой теме за последние полтора десятка лет. По данной причине острая дискуссия между ним и Литвиновым именно по этому вопросу им осталась неизвестной.

Не может не удивлять туманное представление авторов книги об организационных моментах деятельности Народного комиссариата иностранных дел и Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б). «22 октября 1925 г. вопрос обсуждался на Политбюро в присутствии Раковского. Решение гласило: 1) Обмен послов — тов. Раковского в Париж и тов. Красина — в Лондон — утвердить. 2) Тов. Раковскому перед выездом в Париж повидать тов. Чичерина». Вот так принимались смехотворные решения Политбюро, указывающие, когда и с кем кто из дипломатов должен встречаться, как будто и без этого не было ясно, что новый полпред должен получить инструкции наркома!» (С. 312). Авторы проигнорировали в данном случае тот факт, который сами упомянули на предшествующей странице: Г. В. Чичерин в то время находился в Берлине. Общеизвестная практика — посол должен согласовывать с руководством свои поездки. Кроме того, следует помнить о сложных взаимоотношениях в тот период Раковского с Литвиновым (о чем авторы неоднократно, кстати, напоминают), но именно замнарком Литвинов с 1923 г. курировал в Народном комиссариате иностранных дел отношения с Западом и должен был инструктировать в силу этого Раковского (Чичерину «достался» Восток). Взгляды Литвинова далеко не всегда совпадали с позицией наркома. Со своей стороны, политическое руководство с настороженностью относилось к Литвинову, чьи инициативы иногда «гасились» с помощью Чичерина. Так что о «смехотворности» решения Политбюро в данном случае едва ли стоит писать.

Касааясь присутствия Раковского в январе-марте 1925 г. в Москве, авторы «небезынтересно отмечают», что «на тех заседаниях Политбюро, на которых присутствовал Раковский, он выступал только по международным вопросам, воздерживаясь от участия в общеполитических и хозяйственных прениях (С. 281). Однако те протоколы Политбюро, которые были известны авторам, не фиксировали всех участников дискуссии и, кроме того, не отмечали время прихода и ухода участников заседания, а только лиц, готовивших конкретный вопрос. Категорично утверждать, что Раковский не вступал в дискуссию по вопросам, не касавшимся мировой политики, едва ли стоит. С учетом того, что авторам было доступно весьма ограниченное количество материалов о дипломатической деятельности Раковского (его переписка с Наркоматом внешней торговли, отложившаяся в фондах Российского государственного архива экономики, не позволяет дать оценку его работе, и далеко не полностью освещает сферу торгово-хозяйственных переговоров и деятельности АРКОСА, а с документами из фондов Архива внешней политики Российской Федерации авторы, судя по всему, были ознакомлены в начале 1990-х гг. в очень ограниченных рамках, но с той поры минуло почти четверть века!), не может не вызвать недоумения следующее авторское резюме: «Разумеется, политическая отчетность — обязательный элемент деятельности дипломата, и в СССР по мере внедрения бюро-

кратических методов руководства на нее обращали все больше внимания. Но Раковский в этом особенно усердствовал, не желая давать повода для упреков в отходе от официальной линии, в то же время своей корреспонденцией способствуя формированию этой линии в более или менее реалистическом духе» (С. 200). Следует заметить, что для советских дипломатов 1920-х гг. в целом была свойственна определенная независимость от руководства Наркомата внешней торговли. Ряды полпредов пополнялись за счет тех видных деятелей компартии, у которых сохранялись широкие связи не только в партийном, но и государственном, и советском аппарате. Эти связи, как и бывшие заслуги, до поры до времени нередко позволяли им проявлять исключительную оперативность, отстаивая свои иногда весьма оригинальные идеи перед политическим руководством страны через голову собственного начальства.

Далеко не всегда авторы книги позволяют читателю узнать, откуда ими были почерпнуты те или иные сведения. В сообщении о том, что Временное правительство безуспешно пыталось вначале через П. Н. Милюкова, а затем, после его отставки в апреле, через И. Г. Церетели склонить Раковского на свою сторону (С. 83), ссылка на источник информации отсутствует.

Книга буквально пестрит неточностями, ставящими под сомнение профессиональные качества ее авторов. Так, читателю сообщается, что в марте 1919 г. на учредительном съезде Коминтерна Раковский был избран в состав Исполкома, «став, таким образом, одним из его основателей» (С. 124). В действительности Раковский не был избран даже в состав Бюро Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (далее — ИККИ), выполнявшего организационные функции ИККИ до II конгресса Коминтерна. Только 14 апреля 1919 г., когда было принято решение о создании Бюро ИККИ в Киеве для связи с Советской Венгрией и странами Юго-Восточной Европы (с 4 мая — Южное отделение ИККИ), Раковский вошел в состав этого органа вместе с Ж. Садулем и А. И. Балабановой. А. Л. Шейнман являлся председателем правления Госбанка СССР, а не был его директором (С. 216). Ф. Я. Рабинович отнюдь не был «существенно понижен» в 1925 г., став «лишь на непродолжительное время директором АРКОСА» (С. 276), так как в действительности он занял должность начальника сектора торгпредств в Наркомате внешней торговли. Когда же — 14 или 4 июля 1923 г. — Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет дал согласие на освобождение Раковского с поста председателя Совета Народных Комиссаров Украины? (С. 194). Уникальное утверждение авторов, что Лондон в 1927 г. превратился «в периферию советской внешней политики» (С. 313).

Чего не доставало в «Предисловии»? Толики скромности? И тогда у читателя, пожалуй, не возникло бы сомнений в справедливости того, насколько уместно именовать сотворенное «конкретно-историческим исследованием». Чтение книги, изданной в 2014 г., оставляет впечатление *déjà-vu*, напоминает о временах будораживших читателей публикаций «Московских новостей» рубежа 1980–1990-х гг. Для ее авторов время замерло.

¹ Чернявский Г., Станчев М., Тортика (Лобанова) М. Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014. 557 с.

Рупасов А. И. О «заговорившей дремавшей совести». Рецензия на книгу «Жизненный путь Христиана Раковского. Европейизм и большевизм: неоконченная дуэль» // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 286–292.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); rupasov_ai@mail.ru

Rupasov A. I. Review on: Chernjavskij G., Stanchev M., Tortika (Lobanova) M. "Zhiznennyj put' Hristiana Rakovskogo. Evropeizm i bol'shevizm: neokonchennaja dujel'"

AUTHOR: Doctor of History, Institute of history of The Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); rupasov_ai@mail.ru

REFERENCES:

¹ Chernyavskiy G., Stanchev M., Tortika (Lobanova) M. *Zhiznennyj put' Xristiana Rakovskogo. Evropeizm i bol'shevizm: neokonchennaya duehl'* (Moscow, 2014).